

записки



путешественник

Гафнер

Воспоминания
об Ост-Индии



«Воспоминания об Ост-Индии» — сочинение, принадлежащее перу путешественника и исследователя Гафнера.

Находясь в индийском городе Вишакхапатнаме, автор любуется великолепными храмами в лучах закатного солнца. Но местные святилища хранят тайны, о которых не знает путешественник...

Гафнер

Воспоминания об Ост-Индии

*Из Гафнерова
Путешествия по
берегам Ориксы в
Короманделе.*

Я собирался выехать из Визагапатнама, когда мне сказали, что в соседней деревне Велуре, отстоявшей на полтора часа езды от этого города, готовится погребение, и что молодая вдова из касты Хеторисов будет сожжена с телом своего мужа, в яме нарочно для сего случая приготовленной. — (Заметим, что в каждой части Короманделя жены обыкновенно сжигают себя на кострах.) Я не хотел пропустить сего случая, для меня совершенно нового, пошел пешком в деревню Велур, я скоро увидел большую толпу людей, среди которой молодая вдова сидела под балдахин, окруженная родственниками своими обоюбого пола. Не думаю, чтобы она имела более 28 лет: лице ее было очень приятно. Она раздавала знакомым своим и сродникам бетель, шевелила губами, как будто читая молитву, и казалось, совсем не чувствовала страха; но я не мог смотреть на нее равнодушно — вместе с многочисленною толпою людей пошел я на то место, которое

приготовлено было для погребения. — Мы вышли в поле — увидели яму, в десять футов длиною, в восемь шириною и в восемь же глубиною; она была наполнена угольями, в которые беспрестанно бросали сухие поленья. Скоро увидели мы погребальную процессию. Тотчас окружили яму высокими ширмами; зрители, отступивши на несколько шагов, составили обширный круг, и в это самое время несчастная жертва суеверия и любви супружеской приблизилась к месту сожжения.

Платье на ней было великолепное, унизанное жемчугом и алмазами. В одной руке держала она лимон с гвоздичным корешком, который беспрестанно нюхала. За нею шли родственники, Брамины и великое множество женщин, а впереди музыканты, которые играли веселые, торжественные песни. Остановившись в некотором отдалении от ямы, вдова сложила с себя все уборы, разделила их между родными, разделась, и окруженная своими подругами, омылась в ближнем водоеме; потом надела на себя простое белое платье из хлопчатой бумаги; наконец спокойно приблизилась она, при торжественных песнях Браминов и шумной игре музыкальных инструментов, к пламенной яме, все еще заставленной ширмами, и на краю которой стояли, носилки с бездыханным трупом ее мужа.

Несколько минут смотрела она в молчании на

покойного, ударила себя в грудь и заплакала; потом поклонилась, три раза обошла вокруг ямы, и всякой раз, проходя мимо носилок, кланялась. В третий и последний раз остановилась она у самого тела, взглянула на своих родных, простилась с ними, взяла из рук одного Брамина кувшин с маслом, которым оросила своего мужа, поставила кувшин на голову, и воскликнув громким голосом: Нарайна! (Боже) прыгнула в пылающую яму — в минуту ширмы упали, тело брошено в уголья и яма засыпана тысячью зажженных факелов. Барабаны, бубны и трубы загремели звучнее прежнего, женщины подняли страшный, крик (печальный или радостный, не знаю), и высоким столбом понеслось из ямы трескучее пламя.

Хотя я и уверен был, что эта несчастная задохлась в одну минуту — но сердце мое страдало, и я возвратился в деревню в великом унынии. Было уже темно — я не хотел однако ночевать в Велуре, и отправился в Визагапатнам. Более часа, кажется мне, шел я задумавшись — оглянулся, и вижу, что я сбился с дороги — со мною встретился старик, спрашиваю — он рассказывает, что очень далеко от Визагапатнама; советует мне возвратиться в Велур, и указывает ближнюю дорогу. Послушавшись доброго совета, пошел я по указанной дороге — иду — темнота увеличивается — наконец все помрачилось — вдалеке блеснули огни — вхожу на